

Цѣна въ Латвіи

50

САНТИМОВЪ

Для Франціи — 3 фр. 50 с.

Для Латвіи — 90 центовъ

Въ Швейцаріи 0.80 шв. фр.

№ 32 (296)

6 августа 1939 г.

VI-й годъ изданія

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

Адресъ редакціи и нонторы: Rīgā, (Latvijā), Lāčplēša ielā 15, dz. 12a.

Тел. 3-2-6-6-0.

Писатели о Чехове

И. С. Шмелев

Я знал Чехова, но какъ бы «со стороны», въ тѣ дни, когда онъ былъ въ литературѣ А. Чехонте, а я гимназистомъ третьеклассникомъ. Были у меня съ нимъ двѣ «встрѣчи», въ благословенномъ Замоскворѣчьи: такъ слезать бытовыя встрѣчи. Но это прямого отношенія къ заданному вопросу не имѣетъ.

Затрудняюсь говорить опредѣленно о вліяніи Чехова на мои писанія: еще далеко до знакомства съ его творчествомъ я испыталъ сильныя и разнообразныя вліянія коренной литературы нашей. Чтеніе произведеній А. Чехова не было для меня выучкой, а упоеніемъ, наслажденіемъ, и я не могу уловить, какъ оно на меня вліяло: оно меня, просто, вводило въ жизнь, уже довольно хорошо мнѣ знакомую, но обогащало подробностями, черточками, какія не замѣчалъ я раньше. Пожалуй, приучало къ чувству сдвигать, то «чуть-чуть», что особенно закрѣпляетъ художественный образъ, внѣшній и внутренній. Въ этомъ смыслѣ творчество Чехова, конечно, не прошло для меня безслѣдно.

Поскольку образы Чехова художественно — значительны, творчество его влѣдѣствуетъ и теперь на жизнь, какъ это свойственно произведеніямъ настоящаго искусства: влѣдѣствуетъ на человѣческую душу и, конечно, на современную литературу.

М. А. Алдановъ

Чехова я никогда въ жизни не встрѣчалъ. Узналъ объ его кончинѣ изъ нѣмецкой газеты, находясь проездомъ въ Австріи.

Это былъ очень большой писатель: мѣсто его — изъ первыхъ шести-семи въ русской классической литературѣ. Меня удивляетъ, что онъ покорилъ міръ: Чеховъ одинъ изъ тѣхъ писателей, которые въ переводѣ теряютъ чрезвычайно много, — онъ теряетъ почти столько-же, сколько Гоголь, гораздо больше, чѣмъ Толстой, Достоевскій, Тургеневъ. Однако, это сомнѣнію не подлежитъ: на западѣ, особенно въ англо-саксонскихъ странахъ, отношеніе къ нему восторженное, и примѣсь снобизма въ восторгѣ, кажется, не слишкомъ велика.

Отъ «образовъ Чехова» въ Сов. Россіи не осталось, вѣроятно, ничего. Тамъ его могутъ читать такъ, какъ современные американцы читаютъ Купера или Брѣтъ-Гарта.

Б. К. Зайцевъ

Въ ранней молодости съ Чеховымъ встрѣчался, очень мало, но сохранилъ самыя прекрасныя воспоминанія... Чеховъ навсегда остался для меня совершеннымъ образкомъ русскаго писателя — и писателя вообще: скромность, простота, изящество, глубина познѣи.

Подъ литературнымъ вліяніемъ его я находился, особенно въ юности, и чеховскій вѣдухъ до сихъ поръ люблю. Считаю его замѣчательнѣйшимъ художникомъ и выразителемъ цѣлой эпохи. Быть и люди Чехова кажутся теперь какъ бы съ иной планеты, что не мѣшаетъ имъ такъ же быть вѣчно живыми, какъ и тѣхъ же люди «Войны и Мира».

М. А. Осоргинъ

Чеховъ — бытописатель, а старый бытъ ушелъ безвозвратно, и не съ постепенностью, а скачкомъ. Теперь произведенія Чехова — какъ фамальное серебро съ прекраснымъ налетомъ старины. Конечно — не шпеси, а лучшее, что имъ написано: небольшіе рассказы, которыхъ онъ былъ великимъ мастеромъ.

Творчество Толстого непостижимо; даже и учился у Толстого малая. Творчество Чехова простое, ясно и понятно; — видно, какъ онъ писалъ, какъ находилъ и какъ ошибался.

Наше писательское поколѣніе пережило фазу вліянія гораздо болѣе сильнаго, чѣмъ могло бы быть вліяніе Чехова; но и оно, конечно, не прошло безслѣднымъ. Во всякомъ случаѣ учениковъ онъ оставилъ множество, хотя преименовъ, достойныхъ учителей, какъ будто не оставилъ. Его форму усвоили многіе, но его юморъ ученики распылили въ остроуміе. Въ произведеніяхъ Чехова юморъ — самое цѣнное; а самое дешевое и наиболѣе переходящее — «чеховскія вѣстроуки». Въ жизни быть и читать и смѣяться на фоне «Дяди Ваня» почти невозможно; но прочитать и еще пережить одну изъ лучшихъ маленькихъ рассказовъ Чехова — почти счастье.

А. И. Купринъ

Съ увѣренностью можно сказать, что Чеховъ болѣе, чѣмъ кто-либо, показывалъ всю нѣжность, красоту, изящество и разнообразіе русскаго языка. Однако, онъ никогда не прибѣгалъ къ вывозыванію новыхъ, искусственныхъ словъ. Заслуга его въ томъ и заключается, что онъ, не переставая, училъ языкъ, да только мотъ. И нельзя утверждать,

Писатели о Чехове

что эта незримая работа давалась ему легко. Юношеские его рассказы далеко не свободны от южно-русских оборотов и речений, между тѣмъ, какъ послѣдніе проявленія изумительны по чистотѣ языка. Чеховскія корректуры свидѣлствуютъ наглядно о громадной, терпѣливой обработкѣ стила. Впрочемъ, поглядите также и на рукописи Пушкина.

У Чехова еще долго будутъ учиться языку русскіе писатели

*

Часто Чеховъ любилъ говорить:

— Знаете что? Въ Россіи черезъ десять лѣтъ будетъ конституція.

Теперь Чехову было бы семьдесятъ четыре года — возрастъ мудрости. Если бы его пощадила судьба, онъ пережилъ бы съ нами и ужасный конецъ войны и дни свободъ, и дни крови, и теперешніе дни — дни усталости, недоверія, предательства и общественнаго отупѣнія. Вѣтъ анаетъ, какъ отразились бы грозныя, смѣшныя, жестокия, нелѣпыя и печальныя явленія послѣдняго шоколінія въ его большой и чуткой душѣ.

*

Толстой, великій капризникъ, любилъ и цѣнилъ Чехова больше, чѣмъ всѣ его современники и, конечно, гораздо больше, чѣмъ всѣ его профессиональные критики, но, вѣдоогласитесь съ тѣмъ, что у обоихъ въ томъ, что они создали, янѣе всего звучитъ честность и правда. Оттого то и у обоихъ перечитываютъ по многу разъ.

У меня осталась въ моемъ гатчинскомъ домѣ фотография, снятая съ Толстого и Чехова. Мѣсто снимка — Гаспра (имѣніе гр. Паниной). Толстой сѣдой, бородастый, въ бѣломъ халатѣ, пьетъ утренній кофе. Чеховъ сидитъ рядомъ, положивъ ногу на ногу. Толстой такъ углубился въ разговоръ, что совсѣмъ забылъ о своемъ утреннемъ завтракѣ. Онъ сжалъ въ правой рукѣ чайную ложку (конецъ надъ большимъ пальцемъ), какъ будто онъ держитъ ея. У Чехова милая-милая и только чуть-чуть лукавая улыбка (кстати, я никогда не видалъ улыбки, прелестнѣй чеховской). И Толстой какъ будто бы говоритъ Чехову:

— Во-первыхъ, Антонъ Павловичъ, надо писать по возможности просто.

А потупленная улыбка — взглядъ Чехова какъ будто отвѣчаетъ:

— Левъ Николаевичъ, это же труднѣе всего на свѣтѣ

Читать Чехова было всегда радостью для Льва, вѣнчайшаго изъ всѣхъ львовъ. Больше мнѣ сказать нечего, да и стоять ли. Впрочемъ, вы можете назвать меня идеологическимъ.

А. М. РЕМИЗОВЪ

Съ первыхъ книгъ я полюбилъ Чехова. Но это была любовь не та, съ какою я читалъ Достоевскаго и Толстого: Достоевскій действовалъ на меня до содроганія, а Толстому мнѣ хотѣлось подражать и въ письмѣ и въ жизни. Чехова я полюбилъ какою-то домашней любовью и рассказы его читать являлось хобби, но вѣрно и неизмѣнно, не пропуская ни одной печатной строки. Что же такое повлекло меня къ Чехову послѣ Толстого и Достоевскаго: зѣдь, если расцѣпывать по дару и сокровенному ерѣнію, имя Чехова попадаетъ не въ первый кругъ къ Гоголю, Толстому и Достоевскому а въ второй рядъ съ Лѣсковымъ, а только въ третій и притомъ на второе мѣсто: Сгѣнцовъ. Чеховъ. Я очень люблю Сгѣнцова и преклоняюсь передъ его мастерствомъ, но Чеховъ — съ его небрежностью и провинциализмомъ... Потомъ, перечитывая Чехова, я увидѣлъ, что его душа — описаніе, какъ пропадаетъ чеховѣкъ и притомъ пустой чеховѣкъ или, по опредѣленію Шестова, «творчество изъ ничего». Пропадъ ли, который я видѣлъ вокругъ себя съ дѣтства, пустота ли чеховѣческая, которая чувствовалась и въ благополучіи и въ не благополучіи московской жизни, или не пропадъ и не пустота; а тотъ чеховскій рефренъ, выдѣляющій его рассказы изъ крѣпкихъ пустыхъ рассказовъ «беллетристики», рефренъ неизмѣнно начинающійся — «я думалъ онъ...» — то самое фразеологическое, веблемъ въ глухой пустотѣ и безнадежномъ пропадѣ, должно быть эта мечта и покорила меня; я невольно думалъ съ ге-

Алексей Чехов, что вот и мы, незамысловатому человеку, есть великое множество таких же незамысловатых, мы, заблудившись в своей усталости, в пропади в такой душевной пустоте — до простоты, все-таки наперекор всему — этой нашей непонятной и непостижимой силе, распрорываемся, обездолить меня, даю право и отпущаю даря мечтать о какой-то другой жизни, другом человеке с другими желаниями. На Чехова я отвожу душу.

Как мастер — литератор, что могу дать мысленно Чехову. Я читал и перечитывал Гоголя. Мои первые рассказы в рукописях Мейергольда у которого я служил в Петербурге, показывал Чехову: Антоном Павловичем во одо-

бривал, как вот так же одобрял и Алексей Максимович: Чехов от своей простоты, Горький от высокопарности. В литературе, как и Андрей Белый, оба мы происходим от Мельникова — Печерского, преданного ученика Гоголя: ритем Андрей Белый со страниц «Лесов» и «Горь», как «Лесов» и «Горь» тема моя «Поселения». А это совсем другой источник и другие корни из нашей литературной традиции, чуждые и Чехову, и Горькому.

Но довелось мне в жизни испытать Чехова, но не сразу однажды, случилось. Это было в прошлом году осенью, когда снова я взялся за «Хитрые люди». Мне приснился сон: в сестрой Софья Парастаевской открыла фрески:

«Страды Богородицы», показываешь Самаянгу и Муратова, а на экране показывается сама мудрость: Эйхштейн, Шестов, Шалин и Горький — совсем, как и прежде, Шестов с ключом, а из рамки не выходит, и тут же до Сухомы разломать на столбик и показывать с фресками пластики; раскрываются картины: Антоном Павловичем Чехов в чуждом драматизме пальто сидит на легкой садовой скамейке в лесу как ослепший, как будто со слезами. «Вот вы же как и совсем разные», — горько и в прологу до моего — все же, как и прежде: «Богородица» — разное, разные бутылки и соки.